

Уманская Ольга Георгиевна

**ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ, ТЕМАТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ
КЛАССИФИКАЦИОННЫМИ ФРАГМЕНТАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ И. А.
БУНИНА "ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ")**

Статья посвящена исследованию специфики эксплицитной, выводимой имплицитной и конвенсумной информации, семантически ориентированной на конфессиональный формат. Рассмотрены тематические группы религиозных классификационных фрагментов на материале цикла рассказов И. А. Бунина "Темные аллеи". Выявлены имплицитные связи пресуппозициональных единиц и способы репрезентации конвенсумов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 194-198. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

(12) *Сам кризис на Украине – это производная от разбалансировки международных отношений.* <...> это прежде всего, конечно, *производная от разбалансировки международных отношений* [Там же];

(13) *Создалось впечатление, что так называемые победители в «холодной войне» решили дожать ситуацию, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы* [Там же];

(14) *Нужно избавиться от этого искушения и попыток мир под себя причесать* [Там же].

Разноплановость метафорических моделей, поддерживаемая значительной стилистической стратификацией лексических единиц (научные термины – «*уравнение со многими неизвестными; производная от...*» vs. фамильно-разговорные, жаргонные единицы – «*дожать ситуацию; перекроить весь мир под себя; мир под себя причесать*»), несомненно, усиливает оппозиционность элементов аксиологического поля.

Подытожим вышесказанное:

1. языковые единицы, актуализирующие оппозитивные элементы ценностной установки «МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, ПОРЯДОК» vs. «КОНФЛИКТЫ, РИСКИ, ХАОС», делятся на: 1) единицы, объективирующие терминальные ценности (ценности-цели) и 2) единицы, объективирующие инструментальные ценности (ценности-средства);

2. анализ языковых единиц-аксиологем позволяет проследить различные структурные характеристики ценностно-ориентированной установки (отношения внешнего проявления и сущностного содержания; причинно-следственные отношения элементов аксиосферы);

3. функционирование аксиологем как средства экспликации конкретной ценностной установки поддерживается сквозным использованием в границах определенного медиаполитического текста некоторой фундаментальной метафорической модели.

Список литературы

1. **Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай»** (24 октября 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 19.07.2015).
2. **Марьянич В. А.** Аксиологичность и оценочность медиа-политического дискурса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 272 с.
3. **Мирошников Ю. И.** Аксиология: концепция эмотивизма. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 164 с.
4. **Попова Т. Г.** Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. 145 с.

MODERN RUSSIA: LINGUISTIC REPRESENTATIONS OF THE RELEVANT VALUE ORIENTATIONS (“PEACE, SECURITY, ORDER” VS. “CONFLICTS, RISKS, CHAOS”)

Stepanova Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Nizhnevartovsk State University
mstepanova2@gmail.com

The article considers the examples of using certain linguistic units as the representatives of the relevant mental and ethical and value orientations determining the modern vectors of foreign and domestic policy of Russia. The paper provides linguocultural analysis of the speech of the President of the Russian Federation V. V. Putin within the meetings of the “Valdai” discussion club on 24.10.2014. The author analyzes ideologemes representing the certain value orientations of the Russian society.

Key words and phrases: linguo-axiology; mental and ethical categories; value orientations; linguistic representations; ideologemes; V. V. Putin; “Valdai speech”.

УДК 811.161.1'42

Филологические науки

Статья посвящена исследованию специфики эксплицитной, выводимой имплицитной и конвенсумной информации, семантически ориентированной на конфессиональный формат. Рассмотрены тематические группы религиозных классификационных фрагментов на материале цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Выявлены имплицитные связи пресуппозициональных единиц и способы репрезентации конвенсумов.

Ключевые слова и фразы: эксплицитность; имплицитность; конвенсумы; тематическая мотивация; содержательный формат; конфессиональные классификационные фрагменты.

Уманская Ольга Георгиевна

Кубанский государственный университет
olg-umanskaya@yandex.ru

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ, ТЕМАТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ КЛАССИФИКАЦИОННЫМИ ФРАГМЕНТАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»)©

Любой художественный текст, как известно, содержит различную информацию, которая может быть эксплицитно или имплицитно представленной. Эксплицитная информация выражена прямо, буквально, определенно,

недвусмысленно – «это вербально изложенный текст или его фрагмент, необходимый “минимум”, который может содержать первичные, расположенные на поверхности, то есть явные смыслы» [10, с. 183]. ИмPLICITная информация – это подразумеваемая, внешне не проявляющаяся, но существующая как подтекст информация. Особенностью имPLICITной информации является её невыраженность с помощью регулярных лексических и грамматических значений вербальных единиц. Она представлена в скрытом виде, через систему «приращенных», «нерегулярных» значений (импликатур), которые зачастую предполагаемы или обоснованы, но иногда трактуются совершенно неожиданно, произвольно, репрезентируются как эксплицитно некоторыми деталями, так и имPLICITно. Предполагаемость, угадываемость или неожиданность, спонтанность имеющейся скрытой информации зависят от некоторых факторов:

- уровня распознаваемости самой информации в языковой картине мира;
- различного жизненного опыта, уровня подготовленности адресата или читателя к определенной теме;
- уровня «свободы» интерпретации текста адресатом и индивидуальных особенностей его ассоциативного мышления, то есть умения достраивать дополнительные смыслы.

ИмPLICITная информация по способу извлечения может быть выводимой или конвенсумной, не нуждающейся в выводе, очевидной [9, с. 95].

Для удобства извлечения конкретной информации, как нам представляется, целесообразно определить её «тематическую мотивацию», на предмет которой затем удобнее исследовать текст, рассматривая его с различных уровней расположенности этой информации (поверхностной, глубинной и прочей). Тематическая мотивация – это локализация текстового фрагмента, семантически ориентированного на определенный содержательный формат.

Рассмотрим особенности эксплицитной (далее Э), выводимой имPLICITной (далее ВИ) и конвенсумной (далее К) информации, тематически мотивированной религиозными или конфессиональными фрагментами. Материалом для исследования послужил цикл рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» [2], в котором имеет место широкое использование религиозной темы.

В филологии накоплено множество различных исследований лексики религиозной культуры (К. А. Тимофеев, 2001 [8]; Р. И. Горюшина, 2002 [3]; И. А. Королева, 2003 [4]; А. Ю. Мусорин, 2008 [6]; Ю. Е. Базарова, 2010 [1]; Н. О. Косицына, 2010 [5]; А. К. Моросо-Флорес, 2012 [7] и др.); создано немало разнообразных теоретических классификаций, на основе которых нами было выделено 11 тематических групп религиозно ориентированных фрагментов информации, с учётом индивидуально-авторской специфики.

1. Именование Верховного Божества, Всевышнего Творца, представлено: Э (22), ВИ (7), К (11).

Именования Верховного Божества, Всевышнего Творца часто используются автором цикла, так как верующих было подавляющее большинство общества, а соответственно и молящихся. Допускаем, что имPLICITных обращений к Богу должно быть гораздо больше, чем эксплицитных, возможно, столько, сколько персонажей в рассказах, но не всегда для этого имеются языковые средства, способные эти намеки «подтвердить», будь они эксплицитные или имPLICITные, способные активизировать скрытые смыслы. Кроме того, нужно учитывать количество событий, произошедших в отведенном временном отрезке текста, так как персонажи молились или упоминали Всевышнего в горе, в отчаянии, в радости, а порой и «всуе». Примеров много, поэтому приведем лишь некоторые из них. Так, в рассказе «Темные аллеи» встретим следующие эксплицитно представленные именованья: «Боже мой, боже мой!», «что кому Бог дает...», «лишь бы Бог меня простил». В рассказах «Кавказ» и «Кума» прямые, то есть эксплицитные обращения отсутствуют, в одном – имеется намек из фразы персонажа, что, прощаясь, муж жену крестил, а в другом – намек на обращения к Богу во время таинства крещения, то есть именование Всевышнего Творца конвенсумное. В тексте «Баллада» подробно описывается предчувствие «больших зимних праздников», очевидно, что именованья Верховного Божества используются и эксплицитно, и имPLICITно выводимо, и конвенсумно.

Далее при анализе было замечено, что в текстах цикла есть повторяемость различных языковых средств, позволяющих распознать пресуппозиции «светлых сил» и «темных», поэтому целесообразно выделить их соответствующие тематические подгруппы.

2. «Силы света» – Э (8), ВИ (4), К (17).

Для данного цикла характерно наделение некоторых персонажей какой-то нереальной, неземной красотой, светом, чистотой, сказкой, тайной, фантазией, которые приписываем к «силам света»:

1) конвенсумные намеки на «силы света» в рассказах, в которых есть «спаситель» – «Баллада» (волк), «Речной трактир» (военный доктор), «Ночлег» (собака);

2) рассказы, в которых есть ориентир, «светило», «звезда», «небо» – «Поздний час» («одинокая зеленая звезда» – Э – символ любимой, любви), «Смарагд» («дивный цвет», «небесный» – Э);

3) рассказы, в которых присутствует тепло семейных отношений – «Зойка и Валерия» (тепло чужой семьи – К), «Генрих» («счастье совсем семейной ночи» – К), «Таня» (случайное счастье – ВИ);

4) намёк на «покров» (русская зима как чудо, сказка) в текстах – «Таня» (молочная белизна снега, позволившая оттянуть разлуку с любимым – К), «В одной знакомой улице» (свет, чистота снега как символ чувства молодых людей – К), «Генрих» («сказочный морозный вечер с сиреневым инеем в садах» – предвестье счастливой поездки – К);

5) «женская притягательность» как «подарок свыше» – в рассказах: «В Париже» (свет, исходивший от понравившейся женщины – К), «Натали» (свет от любимой женщины – К), «Сто рупий» (необычная внешность, красота, «райская» сказочность женщины – К), «Чистый понедельник» (сила женской красоты, сила

отречения – К), «Весной в Иудее» (сила красоты необычной для европейца женщины – Э), «Генрих» (два счастливых дня в «купе» – К);

б) чистота, невинность девушки, девочки – в рассказах «Ворон» (в начале рассказа – К); «Ночлег» (К); чистота, невинность, наивность детской души (в начале рассказа – К) «Начало».

3. «Силы тьмы» – Э (9), ВИ (4), К (21).

Негативные действия, которые совершают персонажи, исторические разрушительные события, животные-предвестники «темных сил» репрезентируются в тексте следующим образом:

1) через использование наименований «нечистой силы» в речи персонажей, которые встречаются в следующих рассказах: «Антигона» («Ну и чёрт с ней», «...за коим чёртом мы затеяли её (войну)»), «Зойка и Валерия» («Хай трошки подождут, матери их чёрт»), «Гая Ганская» («...черт его знает...») и другие;

2) путём показа соблазнения, соращения, прелюбодеяния в рассказах: «Баллада» («одержимость» старого князя из рассказа Машеньки – Э, К, намеки на прочие грехи, барскую вседозволенность – ВИ), «Степа» (ВИ – намёк на «действия» Красильщикова по отношению к Степе. «Молодого купца Красильщикова захватил ливень с грозой» – Красильщиков «захватил» Степу – К), «Гая Ганская» («самый тяжкий грех» художника – Э), «Речной трактир» (соблазнитель – «промотавшийся помещик, пьяница, развратник...» – К), «Мадрид» (К – «конечно, она меня погубила», «уговорила тоже выходить...» – склонение к пороку), «Ворон» (К – старый чиновник, соблазняющий «безделушками» бедную девушку), «Ночлег» (попытка вероломного соблазнения); соблазнение иллюзией богатства – «Мечь» (К); непредумышленное, случайное «соращение» – «Начало» (К);

3) с помощью изображения исторических событий как конвенсумных намеков на «темные силы» – в рассказах «Ганя» (Туман – «конец мира и всего живого»), «Чистый понедельник» (предчувствие революционного переворота), «Холодная осень» (тяжесть нищенской эмиграции);

4) изображая убийство из ревности как одержимость – в рассказах «Генрих», «Дубки», «Пароход “Саратов”»;

5) используя показ животных-предвестников «темных сил» как конвенсумов в рассказах: «Руся» («чёрный с металлически-зелёным отливом петух в большой огненной короне»), «Волки» («стоят, багрово серея, три больших волка, и в глазах у них мелькает то сквозной зелёный блеск, то красный»), «Натали» (летучая мышь);

б) показывая женскую порочность как конвенсумный намек на «силы тьмы» в рассказах «Речной трактир» (хор из трактира), «Мадрид» (Мур, Анеля), «Пароход “Саратов”» («маленькая, очень порочная на вид горничная», содержанка, «тоже покачиваясь на каблучках туфель без задка», «длинная, волнистая, в узком и пестром, как серая змея, капоте»).

4. Именования священнослужителей христианской церковной иерархии – Э (4), ВИ (4), К (12).

Эксплицитно представленные примеры найдем в следующих рассказах: «Дурочка» («дьякон», «батюшка»), «Натали» («священнослужители»), «В одной знакомой улице» («дочь какого-то дьячка»), «Чистый понедельник» («архиепископ», «диаконы», «монашки», «инокини, сестры»). Намеки на именования священнослужителей используются в рассказах цикла, когда описываются или лишь упоминаются какие-нибудь действия, предполагающие их присутствие, будь то венчание, крестины, похороны и прочее («Баллада», «Красавица», «Натали», «Кума», «Ворон», «Чистый понедельник»), когда упоминаются церковные строения, при которых предполагаются служители («Баллада», «Речной трактир», «Ночлег»). Некоторые рассказы, помимо эксплицитно представленных именований священнослужителей («Дурочка», «В одной знакомой улице», «Чистый понедельник»), содержат намеки на наличие именований и других членов церковной иерархии.

5. Наименования предметов религиозного культа – Э (9), ВИ (8), К (28).

Предполагаем, что предметы религиозного культа имелись практически у каждого «честного христианина», описываемого И. А. Буниным в исследуемом цикле. Религиозные предметы (и действия), пожалуй, самые многочисленные конфессиональные «тематические мотивированные» классификационные фрагменты. Прокомментируем хотя бы некоторые наиболее интересные, на наш взгляд, примеры.

Так, эксплицитно представленные предметы религиозного культа – «новый золотистый образ в левом углу» («Темные аллеи»), «в углах, перед золочеными и серебряными окладами икон, зажигали лампады и свечи» («Баллада»), «в сумраке угла над столом большой образ угодника в церковном облачении» («Степа»), «в углу, перед черной доской иконы Богородицы Троеручицы, горела лампадка» («Чистый понедельник») и другие – не нуждаются в пояснениях; подобного рода сочетания слов свидетельствуют об исповедании персонажами христианской религии, почему именно в «красных» или «левых углах» расположены иконы, лампады, свечи и пр. Для читателя, носителя языка очевидно, что это – неоспоримая часть русской культуры и христианской веры, символ «чистоты» жилища, что является конвенсумами.

В некоторых рассказах наличие предметов религиозного культа или намеки на них даны выборочно. Например, в рассказе «Натали» молодой человек, описывая большой дом Черкасовых, в котором целовался с повзрослевшей двоюродной сестрой, не упоминает об иконах, хотя, понимаем, они там имелись. О них он говорит, описывая дом Натали Мещерской. Дом той, которую любил «без романтики», – без икон, а дом женщины, которую обожествлял, – с иконами, и это, безусловно, имеет дополнительные приращенные смыслы.

В доме дьякона из рассказа «Дурочка» наверняка имелись предметы религиозного культа, книги церковного содержания, совершались религиозные действия, соблюдались христианские посты и чтились праздники. Наличие подобных конвенсумов можно предположить и в рассказе «В одной знакомой улице», в котором

упоминается «дочь какого-то дьячка в Серпухове», приехавшая в Москву на курсы, по всей вероятности, носившая нателный крест, имевшая иконку или молитвенник, которая молилась и чтит христианские праздники, но в тексте эти предметы и действия отсутствуют. В рассказе «Кавказ» прямого указания на предметы религиозного культа нет, но сомнения в их наличии не остается, потому что имеется косвенное на них указание, например: муж с женой прощался, «целуясь с ней, крестя её».

6. Наименования религиозных действий – Э (11), ВИ (7), К (29).

Конфессиональные действия, такие как «крестное знамение», чтение молитв и другие, совершались практически всеми персонажами исследуемых текстов, однако они далеко не всегда показаны, что связано с имплицитно представленным авторским замыслом. Пожалуй, в рассказе «Чистый понедельник» колоритно, как ни в каком другом тексте цикла, эксплицитно представлено религиозное действие русской православной церкви: «из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонкокожая, в белом обрусе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, – уж не знаю, кто были они и куда шли» [2, с. 680].

7. Наименования христианских праздников – Э (12), ВИ (7), К (26).

В рассказе «Баллада» не уточняется, какие именно христианские торжества так благоговейно ожидали. «Под большие зимние праздники» в деревенском «доме всюду мыли гладкие дубовые полы», «а потом застилали их чистыми попонами, в наилучшем порядке расставляли по своим местам сдвинутые на время работы мебели, а в углах, перед золочеными и серебряными окладами икон, зажигали лампы и свечи» [Там же, с. 463]. В этом примере эксплицитно представлены лишь предметы религиозного культа, но нам совершенно ясно, что в данной семье верили в Бога, молились, чтит все христианские праздники, соблюдали посты, ходили в церковь и прочее, а это признаки имплицитно представленных религиозных конвенсов.

8. Наименования книг церковного содержания – Э (2), ВИ (5), К (22).

Упоминания книг церковного содержания представлены в текстах рассказов в основном имплицитно, по некоторым намекам мы догадываемся, что персонажи цикла имели молитвенники, жития, евангелия и прочее. В рассказе «Темные аллеи» Николай Алексеевич цитирует фразу из книги Иова: «Как о воде протекающей будешь вспоминать», а героиня из «Чистого понедельника» произносит фрагмент покаянной молитвы Ефрема Сирина: «Господи владыко живота моего...».

9. Элементы специфической конфессиональной архитектуры: фрагменты интерьера, экстерьера – Э (8), ВИ (7), К (20).

Места молебнов и прочих ритуалов, то есть элементы специфической конфессиональной архитектуры существуют имплицитно во многих текстах. Так, дьякон, «сам батюшка» из рассказа «Дурочка», скорее всего, нес службу в какой-нибудь церкви. В рассказе «Чистый понедельник» называются конкретные монастыри и соборы: «Василий Блаженный и Спас-на-Бору», трижды упоминается о храме Христа Спасителя, Зачатьевский, Новодевичий и Чудов монастыри, Марфо-Мариинская обитель. Красоту волжской старой низкой церкви описывает военный доктор в тексте «Речного трактира»: «в сводчатой и приземистой глубине церкви, уже сумрачно, только мерцает золото кованных с чудесной древней грубостью риз на образах алтарной стены».

10. Отклонения от христианских канонов – Э (8), ВИ (4), К (20).

Было замечено, что отклонения от христианских канонов в данном цикле имеют некоторую повторяемость в сюжетах, поэтому рассказы были распределены в соответствующие подгруппы:

1) рассказы, в которых есть прелюбодеяние – «Кавказ» (Э, К), «Баллада» (Э, ВИ, К), «Степа» (ВИ), «Муза» (Э, К), «Дурочка» (Э, К), «Визитные карточки» (Э, К), «Кума» (ВИ, К), «Мадрид» (Э, К), «Второй кофейник» (Э, К), «Весной в Иудее» (ВИ, К), «Ночлег» (ВИ, К);

2) суицид показан в рассказах «Кавказ» (Э, К), «Зойка и Валерия» (ВИ, К), «Галя Ганская» (ВИ, К), «Часовня» (ВИ, К);

3) жестокое убийство найдем в рассказах «Генрих» (Э, К), «Дубки» (ВИ, К), «Пароход “Саратов”» (Э, К);

4) праздность, обман, притворство содержат тексты рассказов «Темные аллеи» (Э, К), «Степа» (Э, К), «Антигона» (Э, ВИ, К), «Месть» (Э, К).

Прокомментируем некоторые примеры отклонений от христианских правил. В рассказе «Баллада» описаны «деяния» старого князя из рассказа Машеньки, эксплицитно представленные, но имеются намеки на его прочие грехи (ВИ, К). В рассказе «Баллада» и отчасти тексте «Степа» показана барская вседозволенность, а это ещё и гордыня, ослепление безграничной властью (К). Суицид в рассказе «Кавказ» представлен эксплицитными языковыми средствами как геройский поступок оскорбленного «мужа и офицера», но как христианский конвенсум – это отклонение от правил, грех. В рассказе «Часовня» история о похороненном «дяде еще молодом», который сам «себя застрелил», потому что был «очень влюблен» несостоятельна, поскольку в случае суицида его не похоронили бы по христианскому обычаю с прочими родственниками в часовне. Возможно, дети, играя, придумали трагическую любовную развязку. Из вышесказанного следует, что перед нами выводимая имплицитная информация, а не конвенсум христианских отклонений от канона. Главный персонаж в рассказе «Кума» говорит о начале тайной «греховной близости» во время христианского обряда крещения. Крестные не могут, не должны испытывать подобного или вступать в связь друг с другом. Кума с кумом должны быть «духовно» близки, а сблизилась физически – намек на отклонение от христианского канона (К), о чём позволяют догадаться языковые средства рассказа (ВИ).

11. «Наказание Господне» – Э (4), ВИ (3), К (6).

«Наказания» в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» – самая немногочисленная подгруппа. Сразу заметим, что эти конфессиональные классификационные фрагменты отличаются от понятия «наказания» в светском, житейском, юридическом значении. Одним из ярких примеров «наказания перед Богом» является финал рассказа «Баллада» – история Машеньки о наказании старого князя Господним волком. Есть пример уголовного наказания за убийство женщины. В рассказе «Пароход “Саратов”» дается следующее описание персонажа: «Как все, до пояса гол был и он худым, коричневым от загара телом. Темнела и у него только половина головы коротко остриженными волосами» [Там же, с. 646] – намек на потерю социального статуса, социального превосходства, офицерского звания. Уравнивание бывшего офицера, видимо дворянина, с другими уголовниками, перевозимыми во Владивосток на пароходе «Саратов» по Индийскому океану – это наказание социальное (Э, ВИ), за которым, думается, последует либо дальнейшее духовное падение, либо раскаяние (К).

Итак, в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» были выявлены разнообразные виды информации – эксплицитной, имплицитной выводимой и конвенсумной. При анализе 37 рассказов были использованы 11 классификационных единиц. «Тематической мотивацией» послужили религиозные или конфессиональные классификационные фрагменты.

В ряде рассказов при выявлении пресуппозиционных единиц текста было замечено, что «распознавание» одних христианских классификационных фрагментов влечет за собой имплицитное «наличие» других, то есть характерных предполагаемых особенностей, присущих данной ситуации. Так, имплицитные обращения к Верховному Божеству, «силам света», предчувствия близости «темных сил», наименования предметов религиозного культа, действий, праздников, книг церковного содержания, а иногда и элементов специфической конфессиональной архитектуры взаимосвязаны между собой, дополняют друг друга. Иногда достаточно одного из перечисленных классификационных фрагментов, чтобы сложилась определенная картина наличия информации о предмете, не представленном специальными языковыми средствами. Предлагаем их фиксировать отдельно лишь для удобства анализа художественного текста.

Было замечено, что некоторые религиозные классификационные единицы могут существовать в языковой картине мира пресуппозиционно, как конвенсумы, а языковые средства, их передающие, могут быть различными: эксплицитными, выводимыми имплицитными. К собственно конвенсумам отнесем «Силы света», «Силы тьмы», отклонения от христианских канонов, «наказание Господне».

Список литературы

1. **Базарова Ю. Е.** Отличительные особенности концепта «Бог» в различных религиозных направлениях и их выражение в английских, русских, татарских и турецких фразеологических единицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 19-22.
2. **Бунин И. А.** Темные аллеи // Бунин И. А. Темные аллеи: сб. М.: ЭКСМО-пресс, 1998. С. 453-694.
3. **Горюшина Р. И.** Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2002. 36 с.
4. **Королева И. А.** Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2003. 34 с.
5. **Косицына Н. О.** Вербализация субкластера «ангелы» в идиолекте А. А. Фета // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. № 4 (12). С. 91-97.
6. **Мусорин А. Ю.** Общие проблемы изучения теонимической лексики языков христианского мира // Российские немцы. Новосибирск, 2008. С. 221-230.
7. **Моросо-Флорес А. К.** К вопросу о семантической классификации религиозной лексики французского языка // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 299-303.
8. **Тимофеев К. А.** Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. Новосибирск, 2001. 88 с.
9. **Уманская О. Г.** Об особенностях имплицитной информации художественного текста // Культурная жизнь юга России. 2015. № 2 (57). С. 94-97.
10. **Уманская О. Г.** Особенности представления эксплицитной информации в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. 1. С. 183-187.

INFORMATION TYPES THEMATICALLY MOTIVATED BY THE CONFESSIONAL CLASSIFICATION FRAGMENTS (BY THE MATERIAL OF THE CYCLE OF STORIES BY I. A. BUNIN “DARK ALLEYS”)

Umanskaya OI'ga Georgievna
Kuban State University
olg-umanskaya@yandex.ru

The article aims to investigate the specifics of explicit, deduced implicit and convincive information semantically oriented to the confessional format. The author examines thematic groups of the religious classification fragments by the material of the cycle of stories by I. A. Bunin “Dark Alleys”, identifies implicit relations of the pre-suppositional units and the means to represent convincives.

Key words and phrases: explicitness; implicitness; convincives; thematic motivation; meaningful format; confessional classification fragments.